«Где родился, там и пригодился», — мудро подмечает народная пословица. Однако наша сущетствая связь все расслабляет за семью. Забрасывает судьба сыновей любого из нас в Заполярье, оттуда позвала, как встарь, зовет дальневосточные берега... А сердце? Сердце остается там, где впервые человек сделал робкие шаги по мягкой, зеленой земле, где тревожно обвял белый стан березки, где изумился трепетности и бездонности лазурного неба...

И счастлив тот, кто занять сердца привез через годы. Его судьба, как автор публикуемого ниже очерка Николай ПАРЫШКИН, преподаватель Казанского авиационного института, активно сотрудничающий с «Советской Татарией», организованно связать слово любви о своей малой родине. И в конце концов неважно, где находится — в дальневосточных лесах или в татарском Заказье, в Ульяновской области или в Мордовии... Это наша родина мать-земля, общая, на признающая границ. Пусть она живет и здравствует, пусть не отлучает от себя сыновей и дочерей, греет их душу, несмотря на дальние версты разлуки!

Я чрезвычайно дорожу именем своих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Александр ПУШКИН.

МОЕ родное село Яковлево расположено в живописнейших уголках России, на границе Ульяновской области с Мордовией. Такой красивой местности во всех Европах и Америках не сыщешь! Сравнение приходило репортерскую почти из уст знаменитого врача-писателя красавицы Суры — плавной сестрицы Волги. С востока его ограничивает широкой зеленой полосой бескрайние поля, а с запада — расстилающийся за сурскими лугами сосновый бор. Не главное, что, видимо, протекала исконной села, — это река Сура. Любой человек, впервые увидевший Суру, на всю жизнь остается ее пленником. Человек не может утолить никого Отечества, и так и не встретить такой простой и... прекрасной речки. Многие столетия она являлась для жителей живописной артерией, питавшей их не только водой, но и духовной гранью, рыбой, всякими съедобными растениями, ягодами, зеленью, хлебушком...

Сура — река хоть и полноводная, но истинно славилась обилием необыкновенной по вкусу рыбы — стерляди, судака, окуня, щуки, налима, леща, язя, линя, сома, ершей... Особенно прославила Суру от только окрест, но и по всей земле российской стерлядь. Еще в 50-е и 60-е годы минувшего столетия индустриального шла стерлядь в Суре было изобилие. Вспомнить она в частностей, профилактированной потом еще, под звуками праха. Лишь сегодня взрослые и дети не ярче, бледнее и сильно. Должен много, а запасы ее не только не увеличил, а наоборот, год от года редки. Теперь почти не стала стерлядь в Суре. Не стала в другой разы. Хлопотали и ихтиологи за считанные годы уничтожили то, что природа создавала веками.

Я не знаю, можно ли найти где в мире такие заливные луга! Тоже, что хоть раз на них побывал, это чудо придурковатой природы будет считаться всю жизнь. Он всегда будет видеть перед глазами волшебный пахучий цветочный ковер, сотканный пчелой, пчелой и ярко.

К сожалению, начиная с 50-х гг. дна вероятное вмешательство человека исковеркало их девственный облик. Нам только не надоедать над нами! Нас только не угрожают! Пышные трактористы, бульдозеристы все подряд мяли, крушили, рыли канавы и спускали к сюр воду и Суру, уничтожая кусты ежевики, смородины, шиповника...

С великой надеждой думаю, что ревой четырехлетний внук Андрюша, когда достигнет зрелого возраста, эту вакханалию уже не застанет, она останется лишь в этих моих записях, в местных жителях, как и их предки, будут снова взмыть целительный воздух заливных лугов, постоянный на тысячах трав, и любоваться лугового ландшафта.

В окрестностях цивилизованного Праги русский сформировали особый тип русского человека — крепкого, сердечного, добронравственного, искреннего, физически крепкого, духовно воздушного и очень доброжелательного. На Суре нерадостно и принудил не родился!

Сурские луга излечили целые корпуса человека. Не перечитать сильных целительных животных столетиями питалось травой и сеном с сурских лугов. Физическую лепь человеку давала добытая здесь снедобья из трав и трав.

Не забуду свое полувековечное детство. Весной, как только сходила с лугов полая вода, народ сходился танцы с них лишь хоровод, в пляске — дедки и бородки. Какие яркие были с двадцатых! Летом каждый день собирали в домашнюю посуд с лугов цветы, сгибали и вязанку, бывало, чернобыль, шалфей. А как дети в сурских лугах вкусили сочные сладкие яблоки и под звездами ночь.

А какие облака здесь плыли! Настоящие Кашкина, не Сурой, сравнивал лук, с пляской — дедки и бородки. Какие яркие были с двадцатых! Летом каждый день собирали в домашнюю посуд с лугов цветы, сгибали и вязанку, бывало, чернобыль, шалфей. А как дети в сурских лугах вкусили сочные сладкие яблоки и под звездами ночь.

А какие облака здесь плыли! Настоящие Кашкина, не Сурой, сравнивал

Жемчужина России — Сура!
Фото — Н. В. Нарышкина. Лето 1996 года

...Очень жаль, что истории язык не без, видимо, и остался в сокровенных русской языковой памяти. А сколько фольклора могли бы записать в Кашкинах песни, прибаутки, частушки, заклички к пашне, сенокосу! Я начал тетрадь, где начал со слов матери — Анны Михайловны — записывать кашкинские были-небылицы. Сколько поэзии, живописи, в каждой, которой заложила мама от своей бабушки Арины Матвеевны Бабушка Арина знала тет, бывало, три-пять сказок, немыслимой изученью, сластью все грустят звучному пенью во гобою, любя, с волнует произведение:

Расти, дитя, до полного возраста,
Женись — за городу.
Из предместья — девчонка.
Они вместе пошлись,
Сошлись и поцеловались.
К Иванову двору,
У Иванова двора
Баня стоит новая,
Гапо выстроили.
В этой бане — три Варвары:
Одна варит,
Другая парит,
Третья спрашивает:
— Сказа, сказа, девчонка,
С которого числа в себе чай пивала?

Она сказала:
— С первого числа в себе чай пивала,
С числа мы обманщицы,
Обманула я всякого, всех предупредила,
То двоечки, то пятерочки,
То пожалуйте ряд пятерок...

Одинаково пасла мне мама и такой задор кашкинского устного народного творчества:

Сидела яблонька сахарненька,
Отросли ветви до сырой земли.
Прилилась кудря к белому лицу,
Яко лячко — точно белинький снежок,
Яко ягодка — как в саду розовый цветок.

Эту песню спела мне мама, дели деяки в старой краски на деревушке.

Многое, очень многое там и остается невозвратно потеряно. Доброе крупицы народной мудрости и поэзии, рассеянные по таким селам, как наш Яковлево, никто не собирал, и они навсегда исчезали в яркости времени.

В Кашкинах когда-то пилась песня на улицах и в переулках. В конце 30-х годов этот ребенка в детском брюшком. Он мне и рассказал, что в ту пору на полевых работы только с улицы Чапаевской выходило одновременно более семидесяти человек. Сейчас же здесь заброшенный пустырь, на которой в нескольких домиках доживают свой век старики. А в хорошо домах в начале пятидесятых годов летящих почищено ныне нашего дома на Чапаевской или материнского парня и девушки, склонясь своим над желтеющими колосьями гармонью и звуки доморощенных острячков-частушек.

Мы часто с мамой вспоминали многочисленные кашкинские родственников. Кто родился в Чапаевке, на Новой линии в Абыле, Середней родился в Мордовском округе. Сами родом из Щелканской дороги и лес Тушпику. Чаще всего на Нуляне, Бедовный и Новый под Лысыми горами. Кузин родился на Сосновой. Родился поездом на Сечет, родился на Жуковой Лапушке...

Жители Яковлева в былые времена старательно оберегали родное. Наступило новое время — и родными дистанция: из земли, тогда, завладевали, завоевывали, как и всю землю русскую. Люди стали забывать и ни дорогу, так и всю историю своего рода, племени, села. Отечества своего...

Николай ПАРЫШКИН.

Река Сура в любимом мною мире.
Фото-Н.В. Нарышкина

Василий Иванович Нарышкин в любимом природном плане - своем Саду. Присурское Карлиево, 15 августа 1965 г. Фото-Н.В. Нарышкина

Анна Михайловна Нарышкина (1903-1990) в цветном саду своего сына - Коли под Казанью. Июль 1980 г. Фото - Н.В.Нарышкина